

А. Н. Кашеваров

ПЕТРОГРАДСКАЯ СИНОДАЛЬНАЯ ТИПОГРАФИЯ В 1917 ГОДУ

Статья посвящена изучению положения, сложившегося в Петроградской синодальной типографии после Февральской революции 1917 г. Среди рабочих, число которых составляло около 350 человек, стало проявляться стремление к активному участию в управлении типографией. Для защиты прав рабочих при типографии образовался Комитет старост, который вместо отведенных ему по сути функций профсоюзной организации без уведомления и согласия администрации стал устанавливать свой контроль над производством и финансами. С этого началась дезорганизация производственного процесса и расстройство финансово-экономической части. По распоряжению министра исповеданий А. В. Карташева от 4 августа 1917 г. была образована комиссия по делам типографии во главе с председателем Издательского совета при Священном Синоде протоиереем А. П. Рождественским. Эта Комиссия обстоятельно изучила создавшееся в типографии положение и подготовила доклад, составленный в конце ноября 1917 г. и предназначенный Поместному Собору. В докладе были предложены меры «к устранению печального, катастрофического положения дел синодальной типографии». Однако эти меры могли быть осуществлены, по признанию самой Комиссии, лишь при изменении общеполитической обстановки в стране. В этих условиях высшее церковное руководство, находившееся в Москве, по существу занимало выжидательную позицию, ограничиваясь изучением ситуации, сложившейся в Петроградской синодальной типографии. В январе 1918 г. типография была реквизирована советской властью.

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, Поместный Собор, Святейший Синод, синодальная типография, издательская деятельность, Комиссия по делам типографии, Комитет старост, рабочий контроль, дезорганизация производства, советская власть.

К 1917 году Православная Российская Церковь располагала солидной издательской базой — синодальные типографии работали в Петрограде и Москве, ряд крупных монастырей и духовных школ имел собственные типографии. Крупнейшей среди них была Петроградская синодальная типография, которая в начале XX в. почти ежегодно печатала около 6 млн экземпляров книг, брошюр, листов, церковных журналов и газет. Эта продукция составляла более 21 млн печатных листов¹. В период с 1821 г., когда вышел первый православный журнал «Христианское чтение», по 1917 г. в столице Российской империи существовало одновременно 90 церковных периодических изданий, что составляло 24,8 % общего количества периодики Православной Церкви². Большинство этих периодических изданий были напечатаны в синодальной типографии, размещавшейся на Кабинетской улице, д. 15 (ныне ул. Правды, д. 13) в подворье Митрофаньевского монастыря. Так, здесь печатались главные синодальные издания — журнал «Церковные ведомости» и газета «Всероссийский церковно-общественный вестник».

Анатолий Николаевич Кашеваров — доктор исторических наук, профессор, кафедры истории журналистики Санкт-Петербургского государственного университета; профессор высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого; заслуженный работник высшей школы РФ (kashavar12@mail.ru).

¹ Арсеньев К. К. Законодательство о печати. СПб., 1903. С. 5.

² Нетужилов К. Е. История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. СПб., 2009. С. 244.

Синодальная типография по своему оборудованию называлась образцовой, т. к. в ней имелись своя стереотипная, словолитная, брошюровочная и переплетная мастерские. В типографии был светлый, просторный и хорошо вентилируемый наборный зал. В его центре — широкий проход, по сторонам которого стояли шрифты-классы. На левой стороне набирали церковно-славянский текст, на правой — гражданский. Набор церковно-славянского текста выполнялся намного труднее гражданского, т. к. в нем очень много условных знаков, и потому от наборщиков требовались особая подготовка, внимание и опыт. Примечательно, что в столице существовала и другая крупная церковная типография — Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, располагавшаяся на Обводном канале, дом 116.

После Февральской революции 1917 года в синодальной типографии сложилась весьма непростая обстановка, связанная, прежде всего, с тем, что среди рабочих, число которых составляло около 350 человек, стало проявляться стремление к активному участию в управлении типографией. Учитывая эти настроения, церковное руководство ввело в действие так называемые «Автономные правила», выработанные Комитетом связи рабочих казенных типографий³. В соответствии с этим документом для защиты прав рабочих при типографии образовался Комитет старост. Однако Комитет старост вместо отведенных ему по сути функций профсоюзной организации тут же «заявил притязание на контроль над производством и хозяйничанье в типографии»⁴. С этого началась дезорганизация производственного процесса.

«В виду обнаружившихся нестроений в Петроградской синодальной типографии» по распоряжению министра исповеданий А. В. Карташева от 4 августа 1917 г., была образована Комиссия по делам этой типографии во главе с председателем Издательского совета при Синоде протоиереем А. П. Рождественским. В заседаниях Комиссии председателю было предоставлено право приглашать от администрации и рабочих синодальной типографии, а также представителей от Министерств труда, внутренних дел и от Петроградского союза рабочих печатного дела. Для ознакомления с положением дел в типографии и выработки мер по устранению «обнаруженных неполадков» Комиссия провела 5 заседаний — 28 и 31 августа, 1 и 5 сентября и 20 ноября 1917 г.⁵ Комиссия отмечала перепополнение типографии излишними рабочими, низкую производительность труда, «крайнюю несоразмерность производства с теми затратами, какие несет типография на уплату вознаграждения рабочим, а в связи с этим и расстройство финансовой части типографии»⁶.

По заключению Комиссии, исходная причина создавшего положения заключалась в создавшихся «неправильных, ненормальных взаимоотношениях между администрацией типографии и рабочими». Такие взаимоотношения возникли сразу же «после февральского государственного переворота на почве все более и более усиливавшегося стремления рабочих типографии к расширению своих прав значительно дальше пределов, допускаемых новым (при Временном правительстве) законодательством по регулированию взаимоотношений между хозяевами предприятий и рабочими, и даже дальше их границ, какие намечены профессиональным союзом рабочих печатного дела»⁷. Этому способствовало то обстоятельство, что с принятием типографией к печатанию посторонних газет («Солдатское слово», «Революционный народ», «Народная мысль») пополнение личного состава рабочих стало производиться самими рабочими через их автономный орган — Комитет старост, без ведома и согласия типографской администрации. Примечательно, что против этого последняя, как выяснилось, не пыталась бороться, хотя и имела для этого основание в соответствующих постановлениях Министерства труда, и даже не сообщила об этом

³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 49. Л. 1–14.

⁴ Там же. Д. 47. Л. 13.

⁵ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 39–43.

⁶ Там же. Л. 39.

⁷ Там же.

Св. Синоду. Новые лица, принятые в число рабочих без всякого разбора, внесли произвол в выполнение работ, в результате чего явились упадок производительности ниже самых минимальных трудовых норм, небрежное обращение с шрифтами и материалами и «другие ненормальности, нарушающие правильный ход деятельности типографии». Примечательно, что часть рабочих (10–12 человек) почти ежедневно стало отвлекаться от работ заседаниями в комитете старост в часы, положенные для работ, вопреки даже «Автономным правилам» (по нормам профессионального союза), допускающим подобные заседания в рабочие часы лишь в экстренных случаях. Вследствие этого типографии пришлось нести совершенно непроизводительный расход на уплату жалованья по весьма высоким типографским ставкам личному составу Комитета старост, который почти не принимал участия в типографских работах. Когда же представителям рабочих, присутствовавшим на заседаниях Комиссии, было указано на эту ненормальность, они заявили, что «рабочие и впредь будут отстаивать сохранение за собой всех прав и выгод, какие достигнуты ими хотя бы и сверх норм, установленных Петроградским советом рабочих печатного дела (членами какого они состоят), и будут бороться против циркуляров Министерства труда, направленных к ограничению таковых прав их»⁸.

В ноябре 1917 г. рабочие типографии сверх Комитета старост учредили явочным порядком еще и Хозяйственный комитет из трех лиц и потребовали от администрации предоставления этому комитету права контроля над всеми расходами, произведенными в Петроградской синодальной типографии, а также продуктивностью работ, расценкой принимаемых заказов и права «назначения ревизии». Комиссия по делам типографии это домогательство отклонило на том основании, что «правила о Хозяйственных комитетах рабочими не получили еще надлежащего утверждения к обязательному введению их в казенных типографиях, что, независимо от такового утверждения, введение их в действие в синодальной типографии не может быть допущено без особого разрешения Св. Синода как собственника типографии»⁹. Однако считаться с этим постановлением Комиссии рабочие решили для себя необязательным при той атмосфере самоуправства, которая создалась в типографии под влиянием проникшего в их среду «беспокойного элемента».

Присвоение Комитетом старост исключительно в свою компетенцию права приема и увольнения рабочих, а также применения мер воздействия по отношению «к неисправным» лишило администрацию типографии всякой возможности бороться со злоупотреблениями отдельных рабочих. Следует особо отметить, что штрафы и какие-либо иные репрессивные меры почти не применялись в типографии и раньше до революции, но тогда оказывали свое воздействие угрозы со стороны администрации увольнением, а также широко практиковавшаяся система сдельной оплаты, которая после Февраля 1917 г. была заменена помесячным жалованьем. Последнее нововведение, устранив всякую зависимость размера вознаграждения от продуктивности работ, послужило к развитию среди рабочих тенденции срывать работы по малейшему поводу и вообще недобросовестно относиться к ним. Комиссия подчеркивала «стремление поменьше сработать, ибо определенный оклад вознаграждения все равно обеспечен тарифом. О какой бы то ни было обязательной, хотя бы минимальной, трудовой норме не может быть и речи. Произвольно устраиваются рабочими прогулы всей типографией целых рабочих дней. Так, например, по постановлению общего собрания рабочих типографии отменены были работы 20 июля и 30 августа под тем предлогом, что это праздничные дни, хотя действующим тарифом вовсе не отнесены к числу дней свободных от работ»¹⁰.

С конца лета 1917 г. почти обычным, заурядным явлением в среде рабочих типографии стали забастовочные выступления. Комиссия отмечала, что задержка даже на один лишь день очередного расчета заработной платой обязательно сопровождается

⁸ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 40.

⁹ Там же. Л. 41.

¹⁰ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 41.

уже забастовкой, хотя бы и при наличии вполне ясных уважительных причин этой задержки. «Угрозой забастовки ультимативно подкрепляется почти всякое требование рабочих, даже и явно неосновательное, как было, например, в начале сентября 1917 г., когда рабочие наборного отделения забастовкой с применением насилия пытались настоять на немедленном введении для них повышенного тарифа заработной платы до решения этого вопроса в согласительной комиссии Министерства труда, хотя не встретили в этом поддержки ни со стороны рабочих прочих отделений, ни со стороны правления своего профессионального союза и получили компетентные, вполне убедительные разъяснения от представителя Министерства труда касательно неосновательности их домогательства»¹¹.

Рабочие типографии все чаще стали вторгаться в сферу, которая никак не была связана с их непосредственной трудовой деятельностью. Например, вступали в переговоры с частными заказчиками работ касательно расценок. Дошло до того, что газетные наборщики присвоили себе цензурные полномочия в отношении литературного материала, набираемого для номеров «Всероссийского церковно-общественного вестника», по этому поводу возникали пререкания между ними и редакцией. С другой стороны, эти же наборщики вставляли в набор, вопреки распоряжениям администрации, что-либо совершенно недопустимое для изданий, печатаемых в синодальной типографии, как, например, в № 28 газеты «Революционный народ» (от 3 августа 1917 г.) карикатуру, изображающую в непристойном виде лиц монашеского звания.

Все эти отрицательные для нормальной деятельности типографии явления привели в расстройство ее финансово-экономическую часть. По сведениям бухгалтерии управления Петроградской синодальной типографией, доход в типографии к 1 сентября 1917 г. исчислялся в сумме 745 381 руб. 58 коп. (считая в том числе и не полученную еще плату по некоторым счетам за произведенные работы), а расход достиг суммы в 875 677 руб. 59 коп., т. е. в окончательном итоге определился дефицит в 130 296 руб. 81 коп. Бухгалтерия вынуждена была признать, что «в дальнейшем, при наличии тех же условий является неизбежным возрастание дефицита до столь колоссальной суммы, что типография окажется в положении полного банкротства»¹².

Комиссия по делам типографии считала, что полное банкротство можно было предотвратить лишь при условии устранения анархической дезорганизации, водворившейся в типографской рабочей среде, главным образом, под влиянием проникшего в эту среду нового, анархически настроенного элемента, которому совершенно была чужда (чего нельзя сказать о значительной части старослужащих рабочих) идейная сторона деятельности синодальной типографии. Широкий, без осмотрительного разбора прием посторонних заказов, рассчитанный на коммерческие выгоды, приводил к тому, что синодальная типография в глазах рабочих этим низводилась на общую линию промышленных предприятий, вокруг которых развернулась ожесточенная, стимулируемая революционными лозунгами, борьба.

Комиссия по делам типографии подчеркивала особую опасность «принимать к печатанию в синодальной типографии посторонние газеты и вообще издания с ярко выраженной партийно-политической окраской и резко-боевым полемическим тоном, ибо это вовлекает типографию в самый центр бушующего вихря политических страстей, причем солидное техническое оборудование ее может притягивать к себе жадные взоры представителей захватного принципа и тактических «налетов»¹³. В связи со всем этим, как показывал опыт, не оправдывались и расчеты коммерческой выгоды. Так, для печатания «Солдатского слова», а затем «Революционного народа» пришлось пополнить личный состав рабочих довольно многочисленным новым элементом, от которого затем освободиться оказалось уже нелегким делом и по прекращении этих изданий, не имевших вообще шансов на долговечность. Примечательно, что при этом руководство типографии стремилось ограничить состав рабочих

¹¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 41.

¹² РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 42.

¹³ Там же.

«по возможности чуждыми политики вообще и во всяком случае отнюдь не враждебными православной вере и не противными пользе Православной Церкви»¹⁴.

Комиссия предлагала следующие меры «к устранению печального, катастрофического положения дел синодальной типографии»: «1) восстановление администрации типографии во всех тех правах и полномочиях, которыми обуславливается возможность поддержания необходимой дисциплины среди рабочих, а именно в правах решающей инстанции по делам приема и увольнения и в полномочиях на применение мер взыскания за неисправность и злоупотребления с возложением на эту администрацию ответственной обязанности твердо и настойчиво отстаивать среди рабочих дисциплину путем целесообразного пользования указанными правами; 2) ограничение круга деятельности типографии по возможности выполнением лишь таких работ, которые соответствуют или по крайней мере не противоречат прямому назначению синодальной типографии как технического аппарата, необходимого для распространения Слова Божия, церковно-богослужебных книг и литературы в духе православной веры, и 3) регламентирование инструкцией желательных для типографии порядков и норм взаимоотношений между администрацией и рабочими. Проект таковой инструкции, который мог бы послужить первоначальной основой для дальнейшей разработки и развития, составлен по поручению Комиссии членом ее П. П. Лукьяновым совместно с представителями администрации типографии Чуриловским и Михайловым»¹⁵.

Свой доклад, составленный в конце ноября 1917 г. и предназначенный Поместному Собору, Комиссия по делам типографии завершала примечательным соображением, касающимся перспективы реализации разработанных ею мер: «Конечно, осуществление всех означенных мероприятий, намеченных Комиссией, возможно будет лишь по наступлении соответствующих условий, и в настоящее время трудно предвидеть с определенностью, когда наступит подходящий момент для этого»¹⁶.

Благоприятные условия для осуществления намеченных Комиссией мер так и не наступили. После свержения Временного правительства и прихода к власти большевиков ситуация в типографии продолжала обостряться. 14 ноября 1917 г. ВЦИК принял положение, согласно которому под контроль выборных рабочих органов переходили не только производство, но и финансовая сторона предприятий¹⁷. Однако новый управляющий И. Н. Михайлов, избранный рабочими в соответствии с «Автономными правилами», остался верным церковному начальству. Он подготовил для Св. Синода специальный доклад «о ненормальностях» в работе типографии. В нем в основном перечислялись те же отрицательные явления, на которые указывала Комиссия по делам типографии, учрежденная 4 августа. Так, в докладе И. Н. Михайлова отмечалось, что ежедневно вместо работы рабочие отвлекаются на некие «заседания» от 12 человек и более; старосты не вводят выработанную союзом печатников норму, не приучают рабочих к порядку, а занимаются «пустыми разговорами». Особо подчеркивалось, что старосты выносят разные требования и «хулиганские постановления», которые печатают, используя мощности и материалы типографии, отвлекая для этого наборщиков; в частности, издано постановление о захвате квартир у чиновников или обложении их арендной платой; старосты испортили «множество механизмов» и пытаются влезть в отношения типографии с заказчиками. В заключение доклада Михайлов предлагал или упразднить Комитет старост вместе с существовавшим при нем Хозяйственным комитетом, или вообще временно закрыть типографию, «дабы весь худший элемент вновь в случае открытия не мог попасть» в нее¹⁸. Примечательно, что Комиссия по делам типографии также не исключала возможности временного закрытия типографии¹⁹.

¹⁴ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43.

¹⁷ Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. С. 83.

¹⁸ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 29–29 об.

¹⁹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85. Л. 43.

После того, как Синод отказал в выдаче требуемого рабочими праздничного пособия к Рождеству (общая сумма премий составляла 115 305 руб.), обоснованно мотивировав это тем, что оно не предусмотрено «Автономными правилами»²⁰, старосты обратились к советскому руководству. В своем заявлении от 7 декабря 1917 г. на имя управляющего делами Совета Народных Комиссаров они объявили, что приняли на себя управление типографией, но просят сообщить, будет ли она признана государственной собственностью или останется у Церкви (Синода). Последнее, по мнению авторов послания, нежелательно и неудобно, т. к. «по существующему состоянию» все действия старост подлежат рассмотрению «Святейшего Собора», который далеко в Москве и «иногда совсем не считается с мнением рабочих и не удовлетворяет требований рабочего контроля». Старосты выразили желание получить в свое распоряжение все имеющиеся у типографии средства, а также занять квартиры чиновников духовного ведомства. Бумагу подписали председатель Комитета старост Е. Карлуков, председатель Хозяйственного комитета А. Волосевич и секретарь И. Брысов²¹. Примечательно, что никаких реальных шагов со стороны народных комиссаров в тот момент не последовало.

18 декабря Комитет старост постановил начать выпуск собственного журнала под редакцией М. Чуменкова. Издание должно было осуществляться силами и средствами типографии. Первый номер этого издания, названного «Трудовым еженедельником», вышел 1 января 1918 г. Характерно, что 19 декабря, т. е. почти одновременно с решением о выпуске собственного журнала, старосты объявили о прекращении печатания газеты «Всероссийский церковно-общественный вестник» «ввиду большой задолженности и неуплаты денег за работы»²².

Высшее церковное руководство, находившееся в Москве, по существу занимало выжидательную позицию, ограничиваясь изучением ситуации, сложившейся в Петроградской синодальной типографии. Так, 16 декабря 1917 г. Соборный совет постановил учредить особую комиссию в составе настоятеля Александро-Невской лавры епископа Прокопия (Титова), редактора «Церковных ведомостей» протоиерея П. Н. Лахосткого и профессора В. Н. Бенешевича. Комиссии предписывалось к 20 января 1918 г. представить Соборному совету отчет о ситуации в типографии, после чего Поместный Собор должен был рассмотреть вопрос о необходимости ее ревизии²³. В свою очередь Св. Синод подтвердил постановление Соборного совета своим определением²⁴.

Однако изменить что-либо в синодальной типографии и прежде всего касательно ее дальнейшей судьбы эта комиссия была уже не в состоянии.

Октябрьская революция 1917 года, принесшая коренные изменения во всех областях общественной жизни, коснулась и церковной печати. Первым реальным шагом в осуществлении новой церковной политики явилась реквизиция советской властью синодальной типографии в Петрограде. Поскольку осуществление этой антицерковной акции обстоятельно описано в научной литературе²⁵, в предлагаемой статье уделено внимание лишь наиболее примечательным эпизодам, связанным с этим событием, значительно повлиявшим на судьбу церковной издательской деятельности.

С сообщением о том, как советская власть подготовила и провела эту акцию, на заседании Поместного Собора 22 января 1918 г. выступил член Соборной комиссии по делам типографии редактор «Церковных ведомостей» протоиерей П. Н. Лахостский. По его словам, старосты синодальной типографии, сочувствующие большевикам, стремились сначала «национализировать типографию по желанию самого

²⁰ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 13 об.

²¹ Там же. Л. 28–29.

²² Трудовой еженедельник. 1918. № 1. С. 6.

²³ РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 10.

²⁴ Церковные ведомости. 1918. № 1. С. 5–6.

²⁵ *Кашеваров А. Н.* Российская Православная Церковь и советское государство (1917–1922). М., 2005. С. 97–100; *Соколов А. В.* Реквизиция Петроградской синодальной типографии в январе 1918 г. // Вестн. Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. Вып. 1. Т. 4. 2013. С. 199–209.

народа, чтобы в распоряжение рабочих были переданы все машины и весь инвентарь типографии как составляющий результат собственного труда». При обсуждении этого вопроса в Комитете старост «обнаружилось, что представители от рабочих были бы довольны, если бы рабочим Петроградской типографии дали бы прибавки, которые получили рабочие Московской синодальной типографии»²⁶. По настоянию П. Н. Лахостского вопрос о судьбе типографии в Петрограде был передан на рассмотрение общего собрания рабочих, которое состоялось 21 декабря 1917 г. и, вопреки мнению старост, приняло резолюцию с просьбой к патриарху уравнивать их зарплату с жалованьем рабочих Московской синодальной типографии.

Второе общее собрание рабочих было 2 января 1918 г. На него по приглашению Комитета старост явился член коллегии Народного комиссариата просвещения П. И. Лебедев (Полянский), который в течение полутора часовой речи пытался убедить рабочих изменить позицию. «Если вы пойдете за нами, говорил он, — то поучите по 300 рублей, а если за попами, то останетесь голодными, так как денег у них нет»²⁷. Однако рабочие стояли на своем. Тогда Лебедев (Полянский) заявил, что он уполномочен в случае сопротивления произвести аресты и сопротивляющихся увести в тюрьму. В ответ на такую угрозу рабочая Ветрова выразила настроения большинства участников собрания следующими словами: «Вот я много лет работаю в типографии, и ни разу не слышала таких застрачиваний. Очевидно, нам с вами не ужиться»²⁸. Собрание закончилось вводом красноармейцев на территорию типографии и последовавшей передачей ее в распоряжение технического совета по управлению государственными типографиями при Народном комиссариате просвещения²⁹.

Захват синодальной типографии в Петрограде вызвал ответную реакцию среди верующих. Начались частые собрания духовенства и представителей приходов, а также общие собрания приходских советов сначала одного Петрограда, а затем и всей епархии. На первом же собрании приходских советов столицы 11 января стало известно, что «разные комиссары приходили к ректору семинарии, и в духовное училище, и к митрополиту и заявляли, что ... решено все достояние Синода объявить собственностью народа»³⁰. С ведома Совнаркома Петроградским Советом была создана специальная комиссия для изъятия синодского имущества, которую возглавил «уполномоченный по ликвидации бывшего Синода» комиссар по делам беженцев А. М. Дижбит. В конце января 1918 г. в специальной записке наркому внутренних дел Г. И. Петровскому он сообщал о том, что «ликвидацию Синода» почти закончил, принял ценных бумаг и счетов на сумму 46 миллионов 15 тысяч 312 рублей³¹. Таким образом, захват типографии явился частью общего плана новой власти по изъятию имущества Св. Синода в столице.

В связи с этой первой антицерковной акцией советского правительства собрание приходских советов 11 января приняло следующую резолюцию: «тысячи верующих рассматривают захват типографии как грабеж, протестуют против него и будут говорить об этом не только в храме, но и в трамваях, на площадях... Приходские советы рассматривают явные гонения на Православную Церковь со стороны тех, кто именует себя народной властью»³².

По поручению собрания протоиерей П. Н. Лахостский дважды безуспешно пытался вручить эту резолюцию А. В. Луначарскому. Нарком просвещения выслал к протоиерею своего помощника П. И. Лебедева (Полянского), обращение которого с П. И. Лахостским, по свидетельству последнего, «было презрительное и грубое;

²⁶ Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. Кн. VI. Вып. 1. М., 1918. С. 30 (далее — Деяния...).

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Прибавления к Церковным ведомостям. 1918. № 1. С. 221.

³⁰ Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 30.

³¹ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³² Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 30.

он (Лебедев. — А. К.) ничего не хотел слышать, письменных заявлений не принимал... На резолюцию собрания приходских советов член Наркомпроса отреагировал весьма красноречиво: «Хоть к черту посылайте эти бумаги»³³.

В результате захвата синодальной типографии было фактически прекращено издание центральной газеты — «Всероссийского Церковно-общественного вестника». П. Н. Лахостскому все же удалось найти типографию для печатания журнала «Церковные ведомости», который стал «выходить в увеличенном объеме с расширением неофициальной части»³⁴. В связи с этим он докладывал Поместному Собору, что ему «удалось найти одного немца, который по ночам в своей типографии сам набирает «Церковные ведомости», — таким порядком он выпустил 1-й и 2-й номера означенных ведомостей и надеется выпустить соединенный 3–4 номера»³⁵.

Примечательно, что месяц спустя была реквизирована синодальная типография в Москве. Богатейший набор старославянских, церковнославянских и старорусских шрифтов переплавили, так что теперь стало невозможным удовлетворять даже нужды Академии наук. Следует отметить, что среди этих шрифтов были гарнитуры — подлинные произведения искусства³⁶. В марте 1918 г. по распоряжению комиссара по делам печати прекратила деятельность типография Общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духу Православной Церкви, располагавшаяся в Петрограде, на Обводном канале, 116³⁷. Всем национализированным типографиям под угрозой строгой ответственности запрещалось печатать что-либо для Церкви. Однако руководству Петроградской епархии все же удалось договориться о выполнении некоторых своих заказов в 1918–1919 гг. в 17-й Государственной типографии (улица 7-я рота, дом 26)³⁸.

Таким образом, в заключение статьи можно сделать вывод о том, что Русская Православная Церковь после Октябрьского переворота целенаправленно была лишена своих типографий, а, значит, и самой возможности нести в свет печатное церковное слово в условиях построения нового, безбожного общества.

Источники и литература

1. *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. — СПб., 1903. — С. 5.
2. Декреты Советской власти. — М.: Политиздат, 1957. — Т. 1.
3. *Кашеваров А. Н.* Российская Православная Церковь и советское государство (1917–1922). — М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. — 437 с.
4. *Нетужилов К. Е.* История церковной журналистики в России XIX – начала XX века. — СПб., 2009. — 352 с.
5. Прибавления к Церковным ведомостям. — 1918. — № 1. — С. 221.
6. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 28.
7. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 69.
8. РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 85.
9. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47.
10. РГИА. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 49.
11. Священный Собор Православной Российской Церкви. Деяния. — Кн. VI. Вып. 1. — М., 1918.
12. *Соколов А. В.* Реквизиция Петроградской синодальной типографии в январе 1918 г. // Вестник Ленинград. гос. ун-та им. А. С. Пушкина. — 2013. — Вып. 1, Т. 4. — С. 199–209.

³³ Деяния... Кн. VI. Вып. 1. С. 30.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ *Степанов (Русак) В.* Свидетельство обвинения. В 3 т. Т. 2. М., 1993. С. 14.

³⁷ РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.

³⁸ Там же. Ф. 1579. Оп. 1. Д. 47. Л. 32–37.

13. Степанов (Русак) В. Свидетельство обвинения. В 3 т. Т. 2. — М. : Рус. книгоиздат. товарищество, 1993. — С. 14.
14. Трудовой еженедельник. — 1918. — № 1. — С. 6.
15. Церковные ведомости. — 1918. — № 1. — С. 5–6.

Anatoly Kashevarov. The Petrograd Synodal Press in 1917.

The article is devoted to the study of the situation taking place at the Petrograd Synodal Press after the February Revolution of 1917. Among the workers, numbering about 350 people, there was a desire to actively participate in the management of the printing house. To protect workers' rights, the Stewards Committee was formed at the printing house, which, instead of the functions of the trade union organization assigned to it, began to establish control over production and finance without notifying and receiving consent from the administration. After this there began the disorganization of the production process and the frustration of the financial and economic state of the press. At the order of the Minister of Confessions, A. V. Kartashev, on August 4, 1917, a commission was established for the affairs of the printing house, headed by Archpriest A. Rozhdestvensky, chairman of the Publishing Council at the Holy Synod. This Commission thoroughly examined the situation created in the printing house and prepared a report compiled in late November 1917 and intended for the Local Council. The report proposed measures "to eliminate the sad, catastrophic state of affairs of the Synodal printing house." However, these measures could be implemented, as the Commission itself admitted, only if the general political situation in the country changed. In these conditions, the highest ecclesiastical leadership in Moscow essentially took a wait-and-see attitude, confining itself to studying the situation taking place at the Petrograd Synodal Press. In January 1918 the printing house was requisitioned by the Soviet authorities.

Keywords: Russian Orthodox Church, All-Russian Council of 1917-18, Holy Synod, Synodal Press, publishing, Commission for Printing Affairs, Stewards Committee, workers' control, disorganization of production, Soviet government.

Anatoly Nikolaevich Kashevarov — Doctor of Historical Sciences, Professor at the Department of the History of Journalism at St. Petersburg State University and Professor at the Higher School of Social Sciences at Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University; Distinguished Worker of Higher Education of the Russian Federation (kashevar12@mail.ru).